

Винсент
ВАН ГОГ
АКСИОМЫ
ДУШИ
ДИАЛОГИ С БУДУЩИМ

МОСКВА
2019

ГЛАВНЫЕ МЫСЛИ ЭТОЙ КНИГИ

Львы не подражают друг другу.

*Живопись заменяет художнику родину:
занимаясь ею, он не испытает тоски по родине.*

*Что красиво, по-настоящему красиво,
то и правильно.*

Хорошая картина равноценна доброму делу.

*Трудно познать самого себя.
Однако написать самого себя тоже не легче.*

*Счет на краски —
вот обратная сторона живописи.*

*Помешательство в известном смысле благотворно:
благодаря ему перестаешь быть исключением.*

ГЛАВНЫЕ МЫСЛИ ЭТОЙ КНИГИ

Сердце человека — сердце его дел.

*Всегда полезно выглядеть немножко дураком —
ведь нужно выиграть время, чтобы учиться.*

*Нельзя одновременно пребывать
и на полюсе и на экваторе.*

Наше дело больше и долговечнее нас.

*Полюбить всерьез — это все равно что открыть
новую часть света.*

*Кто говорит самые верные слова,
не обязательно говорит красноречивее других.*

*Кто любит шутить,
тот должен терпеть и чужие шутки.*

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

Принято считать — таланта художнику достаточно. Пусть живописец рисует, композитор сочиняет, певец поет — ум им ни к чему. Есть даже такое шуточное определение: глуп, как тенор. Разумеется, это всего лишь расхожее предубеждение. Не совсем неверное: немало гениальных художников прошлых веков не оставило нам свидетельств своего интеллекта. (Впрочем, от многих не сохранилось даже имен.) Сегодня, однако, наблюдается противоположное. Кому не известен тип художника, многословно рассуждающего о творчестве — часто рядом с последним своим произведением (которое, в отличие от автора, молчит и прячет от стыда глаза)?

Однако история искусства знает и счастливые исключения, подтверждающие другую мудрость: талантливый человек талантлив во всем. На память первыми приходят имена Леонардо да Винчи, оставившего нам огромное литературное наследие, и Микеланджело, знаменитого не только своими скульптурами и росписями, но и тремястами стихотворениями, которые признаются сегодня ярчайшими образцами ренессансной поэзии.

Большому художнику всегда есть что сказать *urbi et orbi*, городу и миру, — увы, далеко не всегда судьба позволяет ему высказаться, еще реже сохраняет эти высказывания. Тем большей удачей для потомков стал «случай Ван Гога». Один из величайших и, как показало время, влиятельнейших художников XIX столетия оставил в наследство европейской культуре не только более двух тысяч живописных и графических работ, но и около восьмисот писем — литературный памятник, конгениальный его художественному наследию.

В нашу динамичную эпоху, увы, главным дефицитом (чтобы не сказать — раритетом) становится свободное время.

С этим не надо смиряться, но это необходимо учитывать. У большинства из нас не найдется нужных (многих) часов и дней, чтобы прочесть и «освоить» все эпистолярное наследие Ван Гога.

Как же быть? Мы нашли выход. Проведя основательную работу с текстами художника, мы сконцентрировали его многолетние монологи — в своего рода диалог. Эта книга — не «сборник афоризмов» (хотя стилю Ван Гога присущи и глубина, и выразительность, и лаконизм — все главные атрибуты афористики). Эта книга — разговор ее автора с товарищами по искусству: не только с современниками, но и с предтечами и, что удивительнее всего, — с потомками. Мощное поле признаний Ван Гога, его скорбей, прозрений, переключек, диалогов и споров властно вовлекает, втягивает, засасывает нас — обитателей иной эпохи, которую вообразить и предвидеть гениальный живописец и пронизательный мыслитель позапрошлого века не мог. Не мог, однако, кажется, сумел: столь серьезны, столь ответственные его разговоры — не с временем, но с вечностью. В которой есть место для всех.

При создании этой книги был просмотрен, проработан, учтен целый ряд источников: письма Ван Гога, воспоминания современников, суждения о природе творчества крупнейших европейских художников, высказывания писателей разных эпох, несколько биографий Ван Гога и проч. Назовем некоторые наиболее важные из них. Это, прежде всего, русские издания писем Ван Гога 1913, 1935, 1939 и 1966 гг. (в переводах Я. Тугенхольда, Н. Щёктова, В. Сидоровой, Б. Терновца, П. Мелковой); четырехтомник 1933—1939 гг. «Мастера искусств об искусстве» (в переводах А. Губера, В. Шилейко, Б. Денике, Ш. Розенталь и др.); книга Д. Ревалда «Постимпрессионизм» (в переводе П. Мелковой) и целый ряд других изданий. В результате читатель получил не просто книгу афоризмов — автобиографию души великого художника, которую ему помогли написать его собеседники.

ОБ АВТОРЕ И ГЕРОЕ ЭТОЙ КНИГИ

Нет более ошибочного мнения, что гений — существо надмирное, а его явление — игра природы, неожиданный подарок, с которым не всегда понятно, что делать. Даже в известных определениях Б. Шоу («Гений делает то, что должен, талант — то, что может») или А. Шопенгауэра («Талант достигает цель, которую никто не может достичь; гений — ту, которую никто не может увидеть») слышится: гений решает свои задачи, недоступные возможностям таланта и нашему пониманию.

Это не совсем так. Гений потому и оказывает столь мощное воздействие на нашу жизнь (порой весьма далекую от сферы его деятельности), что сама культура, сама цивилизация получают от него бесценные дары, насущно нужные человечеству, даже если оно до поры этого не понимает или не чувствует.

В случае с Ван Гогом это верно стократ. Истиво совершенствуя свой изобразительный язык, он делал это не ради «искусства для искусства», а для человека и во имя человека. Вот его подлинные признания: «Никакой успех не мог бы порадовать меня больше, чем то, что обыкновенные рабочие люди хотят повесить мою литографию у себя в комнате или мастерской... Я хочу делать рисунки, которые бы волновали и трогали людей... Дешевые работы для народа — вот будущее живописи... Человечность — соль жизни, и я не хотел бы жить, если бы ее не существовало». Последнее, кажется, написано вообще не художником, занятым цветом, линией и формой, а гуманистом, которого глубоко заботит лишь судьба людей.

Вот почему сегодня, когда его картины превратились в средство помещения капитала, — особенно сегодня у Ван Гога был бы повод для горького разочарования. Зачем он изнурял себя работой? Что означало его желание «висеть» в каждой простой хижине?

Ответ прост: художественное просвещение и утешение «малых сих». Практической целью Ван Гога было привить художественный вкус этим забитым тяжким трудом и нищетою шахтерам, грузчикам, сборщикам винограда, землекопам, ткачам, сеятелям... Он ведь мечтал посеять в их душах то просветление, которое одно могло придать их жизни смысл.

«Мир прекрасен, красота — во всем. Увидьте ее! Она помогает мне в моей невыносимой жизни — она поможет и вам» — вот что было творческим кредо художника, вот что воплощал он в своих работах и о чем не уставал повторять на словах, снова и снова выражая горячее сочувствие обездоленным. У русского гения, который, по словам самого Ван Гога, «волновал» его, сказано об этом в трех словах: «Красота спасет мир»¹.

Можно возразить: не стоит принимать за чистую монету то, что художник *заявляет*. Его истинный язык — изобразительный. И этот язык, хочет того сам человек или не хочет, всегда выдает его истинные намерения. Не проговаривается ли Ван Гог, заявляя: «Нужно питать горячую симпатию к людям, иначе рисунки станут холодными и пресными»? Не признается ли нечаянно, что люди для него — только подручный материал?

Если сочувствие к человеку одухотворяет работу, то, значит, оно лишь средство достигнуть максимального эффекта. Так было всегда: для любого творца главным является его творчество, а все вокруг — воздух, деревья, птицы, другие люди, его собственные страдания — только материал, кирпичи, из которых он строит здание своего творения. «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда», — сказано раз и навсегда.

¹ Впрочем, отнюдь не в качестве морального императива. Эта «формула» у Ф. М. Достоевского встречается всего раз — в романе «Идиот». Аглая говорит князю Мышкину: «...если вы заговорите о чем-нибудь вроде смертной казни, или об экономическом состоянии России, или о том, что “мир спасет красота”, то...»

Но художник — не ханжа. Каковы бы ни были творческие цели Ван Гога, помимо живописного, он обладал редчайшим человеческим талантом — чувствовать чужое страдание острее, чем свое. По свидетельству биографа, после того как Ван Гог провел шесть часов на глубине 700 метров под землей в шахте Маркас, он буквально стал другим человеком: «Он стал отдавать беднякам все, что у него было, совсем перестал есть и похудел до того, что стал похож на аскета. Спал прямо на земле, без одеяла даже в холода, отдавал все свои деньги, обувь, одежду до последней рубашки, чтобы помочь больным и пострадавшим в шахте. Перестал мыться и подстригать бороду, покупал сыр, чтобы подкармливать мышей, а сам довольствовался черствым хлебом. Движимый любовью ко всякой живой твари, он поднимал с земли упавших с дерева гусениц и возвращал их на место».

Человек — одинок. Люди отличаются друг от друга лишь тем, что одни осознают это экзистенциальное одиночество, а другие — нет. Иными словами: одни страдают от этого, другие заняты великим копошением повседневности. Первых можно уподобить зрячим, вторых — слепым. И если первые страдают от увиденного, то вторые испытывают некоторые неудобства оттого, что (как им говорят) они лишены зрения.

Творчество Ван Гога — это одинокий долгий крик о помощи. (Не зря он считается одним из главных предтеч экспрессионизма, столь полно воплотившегося в «Крике» Мунка.) Но врожденная душевная деликатность вступает в конфликт с естественным эгоцентризмом гения, и Ван Гог ищет универсального лекарства от трагедии жизни — для всех! И создает шедевры, способные если не утешить нас в горе, то утолить нашу тоску по прекрасному. Этот мир нельзя исправить, потому что невозможно изменить природу человека. Но распахнуть ему окно в иные миры — это гению по силам. Вопрос только: осмелимся ли мы заглянуть в это окно?

Объятие красоты

Красота — противоположность не безобразному, а фальшивому.

Эрих Фромм

Красота есть обещание счастья.

Стендаль

Ищи только прекрасное, ищи в полную меру своих сил: большинство редко находит прекрасное.

•
*Что красиво, по-настоящему
красиво, то и правильно.*

•
Нельзя одновременно пребывать и на полюсе и на экваторе.

•
*А вы замечали, что у старых
парижских извозчичьих кляч
такие же большие, прекрасные
и тоскливые глаза, какие бывают
иногда у христиан?*

•
Физической красотой обладают и звери, даже в большей степени, чем люди, но души, живущей в людях, звери не имеют. А разве жизнь дана нам не затем, чтобы мы обладали богатой душой, даже если при этом страдает наша внешность?

*«Душа человека — величайшее чудо мира»
(Данте).*

Когда К. М.¹ спросил меня, неужели я не испытываю никакого чувства к красивой женщине или девушке, я ответил, что предпочел бы иметь дело с женщиной уродливой, старой или нищей, несчастной в любом отношении, но обретшей душу и разум в жизненных испытаниях и горестях.

Как много в искусстве прекрасного! Кто помнит все, что видел, тот никогда не останется без пищи для размышлений, никогда не будет по-настоящему одинок.

*«Чтобы жить, человеку нужны воспоминания,
как топливо. Ненужные, случайные, бросовые,
однообразные — все сгодится, лишь бы огонь не погас»
(Харуки Мураками).*

Когда человек ясно выражает то, что хочет выразить,— разве этого недостаточно? Когда он умеет выражать свои мысли красиво, его приятнее слушать, но это не много прибавляет к красоте правды: правда прекрасна сама по себе.

*«Для художника все прекрасно: в каждом существе
и в каждой вещи его пронизательный взор
открывает внутреннюю правду под внешней
формой. И эта правда — сама красота»
(Огюст Роден).*

Рисовать на ветру очень трудно, но я вбиваю в землю колышки, привязываю к ним мольберт и работаю, несмотря ни на что: слишком уж кругом прекрасно.

¹ Корнелис Маринюс Ван Гог («дядя Кор», «К. М.»; 1824—1908) — дядя Ван Гога (младший брат отца), торговец картинами.

Вечером гулял по безлюдному берегу моря. Это было не весело и не грустно — это было прекрасно.

Не будем размышлять о том, что такое хорошо и что такое плохо,— это всегда относительно.

Последние несколько ночей я спал плохо: виной тому красота осени, которая не выходит у меня из головы, и желание воспользоваться ею.

•
*Нет ничего более прекрасного,
чем природа ранним утром...*
•

Я забываю обо всем ради внешней красоты предметов, воспроизвести которую не умею: я вижу совершенство природы, но на картинах она у меня получается грубой и уродливой.

«Нет предмета, непригодного для хокку» (Басё).

•
*Мне тоже нужны красота
и возвышенность, но еще больше —
доброта, отзывчивость, нежность.*
•

*«Все прекрасные чувства в мире весят меньше,
чем одно доброе дело»
(Роберт Лоуэлл).*

На чужбине всегда чуждо и неуютно, даже если эта чужбина так волнующе прекрасна.

Чудо искусства — усилие души

Есть художники, которые превращают солнце в желтое пятно, но есть и другие, которые, благодаря своему искусству и мудрости, превращают желтое пятно в солнце.

Пабло Пикассо

Всякое искусство есть искусство жертвовать.

Эдгар Дега

•
*Человек несет в душе своей
яркое пламя, но никто не хочет
погреться около него.*
•

Прохожие замечают лишь дымок, уходящий через трубу, и проходят своей дорогой. Так что же делать? Таить это пламя в душе, терпеливо и в то же время с таким нетерпением ожидать того часа, когда кто-нибудь придет и сядет около твоего огня? Но захочет ли пришелец остаться?

•
*Птицы перестали бы петь,
а художники писать,
если бы постоянно спрашивали
себя, не слишком ли они
усердствуют.*
•

Натура всегда начинается с того, что сопротивляется художнику, но тот, кто берется за дело всерьез, не даст этому сопротивлению сбить его с пути; напротив, оно лишь побуждает его бороться за победу. В сущности, природа и настоящий художник едины. Природа, конечно, неприкосновенна, однако нужно уметь взяться за нее твердой рукой. А когда с ней вот так поспоришь и поборешься, она обязательно становится послушнее и покладистее.

*«Искусство — это битва; в искусстве надо не щадить себя. Надо работать, как целая куча негров сразу. Предпочитаю не говорить вообще ничего, чем выразиться невнятно»
(Ж.-Ф. Милле).*

Живопись — подлинно тяжелая физическая работа. Помимо умственного напряжения и душевных переживаний, она требует большой затраты сил, день за днем. Она требует от человека так много, что заниматься ею — все равно что принять участие в походе, сражении, войне.

*«Для великих дел необходимо
неутомимое постоянство»
(Вольтер).*

Чтобы завтра работать лучше, надо сегодня работать в полную силу.

Я хочу делать рисунки, которые бы волновали и трогали людей. И в фигуре и в пейзаже я хотел бы выразить не сентиментальную грусть, а подлинную скорбь. Я хочу, чтобы о моих работах сказали: «Этот человек чувствует глубоко, этот человек чувствует тонко», — сказали, несмотря на мою так называемую грубость, а возможно, именно благодаря ей.

*«Мало знать свое ремесло, нужно быть также
взволнованным темой» (Эдуард Мане).*

•
*Когда нужно сделать что-то
важное, нельзя щадить себя.*
•

Собирая урожай этюдов так же, как крестьянин собирает урожай хлеба, всегда выигрываешь.

*«Нет другого качества, столь же необходимого для
успеха, как настойчивость. Она может преодолеть
все, даже законы природы» (Джон Рокфеллер).*

•
*Как много трудностей
приходится преодолеть, прежде
чем сумеешь что-то выразить!
Однако сами эти трудности
являются в то же время
стимулом.*
•

Я всегда стараюсь вложить в работу всю свою энергию, потому что величайшее мое желание — делать красивые вещи. Но такое занятие предполагает и кропотливую работу, и разочарования, и, главное, упорство.

*«Моя сила заключается исключительно в моем
упорстве» (Луи Пастер).*

Нужно помалкивать и работать, а будущее покажет.

Мне всегда страшно нравились слова Доре: «У меня терпение вола». Когда думаешь о людях, из чьего сердца выливаются подобные слова, вся болтовня о «природной одаренности», которую так часто слышишь от торговцев картинами, кажется мне мерзким карканьем.

Я однажды читал, что у Делакруа было отвергнуто семнадцать картин. Как раз сегодня я подумал: какими чертовски отважными людьми были все новаторы.

Юность уходит, словно дым. Но если она вновь расцветает и возрождается в том, что мы творим, тогда ничто не потеряно.

•
*Работоспособность
и есть вторая молодость.*
•

Самое важное — рисовать. Рисовать неважно чем — кистью или чем-нибудь другим, скажем пером. Сколько ни работай, этого все равно недостаточно.

•
*Я пытаюсь сейчас
преувеличивать существенное
и намеренно оставляю едва
намеченным все второстепенное.*
•

•
*Ясно одно: раз жизнь коротка
и быстротечна, а ты —
художник, значит, пиши...*
•